
Resursy kul'turnoi pamiati i politika pamiati o pervoi mirovoi voine v Rossii

*Les ressources de la mémoire culturelle et la politique mémorielle de la Première
Guerre mondiale en Russie*

*Resources for cultural memory and remembrance policies on World War I in
Russia*

Boris Ivanovich Kolonitskii

Édition électronique

URL : <http://journals.openedition.org/monderusse/10076>

DOI : 10.4000/monderusse.10076

ISSN : 1777-5388

Éditeur

Éditions de l'EHESS

Édition imprimée

Date de publication : 1 janvier 2017

Pagination : 179-202

ISBN : 978-2-7132-2696-0

ISSN : 1252-6576

Référence électronique

Boris Ivanovich Kolonitskii, « Resursy kul'turnoi pamiati i politika pamiati o pervoi mirovoi voine v Rossii », *Cahiers du monde russe* [Онлайн], 58/1-2 | 2017, Выложить онлайн 01 janvier 2019, Наводить справки в 05 janvier 2020. URL : <http://journals.openedition.org/monderusse/10076> ; DOI : 10.4000/monderusse.10076

2011

BORIS IVANOVICH KOLONITSKII

RESURSY KUL'TURNOI PAMIATI I POLITIKA PAMIATI O PERVOI MIROVOI VOINE V ROSSII

[Les ressources de la mémoire culturelle et la politique mémorielle sur la Première Guerre mondiale en Russie]

1 августа 2014 года в Москве был открыт монумент героям Первой мировой войны, на церемонии присутствовали представители российской политической и военной элиты. Памятник был воздвигнут на Поклонной горе, недалеко от монументов, посвященных Отечественной войне 1812 года и Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов. Тем самым Первая мировая война вписывалась в ряд событий, особенно важных для российской идентичности. Президент Российской Федерации В.В. Путин произнес речь и первым возложил к памятнику цветы. Вторым был патриарх Российской православной церкви. Путин в своей речи говорил о том, что подвиги русских солдат оказались «в забвении»: война, «которую весь мир именует Великой, была вычеркнута из отечественной истории, называлась просто империалистической»¹.

Позиция президента разделяется и немалой частью общественного мнения страны: словосочетания «забытая война», «неизвестная война», война, «потерянная» для культурной памяти России, встречаются нередко в заголовках книг, наименованиях книжных серий и названиях кинофильмов². Можно предположить, что издатели и писатели, режиссеры и продюсеры учитывают взгляды читателей и зрителей, ориентируются на их ожидания и

Исследование выполнено в рамках гранта Российского Гуманитарного Научного Фонда № 17-81-01042 «Политизация языка религии и сакрализация языка политики во время Гражданской войны».

1. Здесь и далее речь В.В. Путина цитируется по ресурсу: <http://kremlin.ru/transcripts/46385>.

2. А.И. Уткин, *Забытая трагедия: Россия в Первой мировой войне*, Смоленск, 2000. Многосерийный фильм, посвященный первой мировой войне (2012, режиссер В. Микеладзе) называется «Забытая война». Московское издательство «Яуза. Эксмо» ведет проект серии книг под аналогичным названием.

предпочтения. На такую интерпретацию истории Первой мировой войны бесспорно существует сейчас известный общественный спрос.

В настоящей статье я попытаюсь кратко описать существующие в современной России проекты памяти о Первой мировой войне, противостоящие советской политике памяти, а также оценить их шансы на успех. Для этого необходимо описать историю памяти / забвения войны в СССР, а также сравнить российскую ситуацию с тем, как память о войне развивалась в некоторых европейских странах. При этом я постараюсь учитывать воздействие различных акторов – правительств и общественных организаций, художников и писателей, издателей и мемуаристов. Наконец, я попытаюсь выявить роль профессиональных историков в этих процессах.

Вернемся к церемонии 1 августа 2014 года. Интересны оценки международной ситуации, данные Путиным в упомянутой речи: «На протяжении многих веков Россия выступала за крепкие и доверительные отношения между государствами. Так было и накануне Первой мировой, когда Россия сделала всё, чтобы убедить Европу мирно, бескровно решить конфликт между Сербией и Австро-Венгрией. Но Россия не была услышана, и ей пришлось ответить на вызов, защищая братский славянский народ, ограждая себя, своих граждан от внешней угрозы». Многовековая история России рассматривается президентом как постоянная «борьба за мир», что, по его мнению, проявилось и в 1914 году. Историкам сложно защитить тезис о неизменном миролюбии империи (столь же сложно и обосновать тезис о ее постоянной агрессивности, тезис вновь выдвигаемый в последнее время³). Подобная оценка знаменует разрыв с традицией изучения и описания конфликта в СССР: в советских учебниках истории говорилось, как правило, о вине всех «империалистических» стран, включая и Россию, хотя особая ответственность возлагалась на Германию.

Внимание многих комментаторов вызвал тот фрагмент речи Путина, в котором предлагалось интерпретация причин выхода России из войны: «... победа была украдена у страны. Украдена теми, кто призывал к поражению своего Отечества, своей армии, сеял распри внутри России, рвался к власти, предавая национальные интересы». Президент не назвал в этой речи определенно те силы, которые «предавали» национальные интересы.

Между тем известно, что к «поражению» России призывал Ленин (и этого он требовал от социалистов других «империалистических» стран), хотя в цитируемой речи президента он прямо не был упомянут. И ранее Путин определенно указывал на ответственность большевиков за поражение в войне. В выступлении 27 июня 2012 года в Совете Федерации он заявил:

3. Примером гипертрофированной интерпретации истории, в которой чрезмерный акцент делается на постоянной агрессивности России, может послужить книга Ш. Мак-Микена: S. McMeekin, *The Russian Origins of the First World War*, Cambridge (MA), 2011. Убедительную критику книги см.: J. Sanborn, «Russian Imperialism, 1914-2014: Annexationist, Adventurist or Anxious?», *Revolutionary Russia*, 27 (2), 2014, с. 92-107.

Наша страна проиграла эту войну проигравшей стороне. Уникальная ситуация в истории человечества. Мы проиграли проигравшей Германии, по сути, капитулировали перед ней, она через некоторое время сама капитулировала перед Антантой. Это результат предательства тогдашнего правительства. Это очевидно, они боялись этого и не хотели об этом говорить, поэтому замалчивали... Они искупили свою вину перед страной в ходе Второй мировой войны, это правда. Сейчас не будем говорить о цене — это другой вопрос, но замалчивали именно поэтому.⁴

Создается впечатление, что президент был искренним, критикуя в этом выступлении Ленина.

В 2014 же году Путин, очевидно, должен был учитывать настроения тех своих сторонников, которые с симпатией вспоминают СССР, и не готовы принять антикоммунизм в качестве основы официальной политики памяти, поэтому вождь большевиков и его партия в речи не были упомянуты. С другой стороны, некоторые историки и журналисты указывают на заговоры, в которых участвовали накануне революции российские либералы (порой речь идет о заговорах масонов, британских или германских спецслужб). Это предоставляет возможность для различных интерпретаций речи Путина 1 августа, можно выбирать «предателей» в соответствии со своими политическими пристрастиями. Некоторые обозреватели сравнивали подобные теории заговора с «легендой об ударе кинжалом в спину», созданной немецкими консервативными и правыми силами для объяснения причин поражения Германии, аналогичные «легенды» появились в Австрии и Венгрии. Эти силы, сами много сделавшие для втягивания своих стран в войну, а затем и для затягивания войны, пытались убедить своих сограждан, что победа была у них «украдена» некими «внутренними предателями» – социалистами, пацифистами, евреями. Как будет показано ниже, этот фрагмент речи Путина мог иметь и более поздние источники, созданные уже в СССР.

К теме «предательства» Путин вернулся и позднее, на встрече с молодыми историками 5 ноября 2014 года:

В этом году мы много говорили о Первой мировой войне, и, я считаю, что очень правильно и достаточно объективно подавалась информация о Первой мировой войне. Практически мы вернули имена многих наших забытых героев, дали новые, достаточно объективные оценки происходившим тогда событиям и результату, который был трагическим для России. Ведь он почему такой был? Откуда он взялся, ведь нас никто на фронте не победил? Нас развалили изнутри – вот что произошло. Россия объявила себя проигравшей. Кому? Стране, которая сама проиграла войну. Вообще, бред какой-то. Это, по-моему, вообще уникальная ситуация в истории. Потеряла огромные территории, ничего не добилась, только жертв колоссальных, и всё. Это мы тоже должны знать, в угоду каким-то

4. <http://izvestia.ru/news/528739>.

политическим соображениям, по сути, произошли такие колоссальные потери. Я даже не уверен, смогли ли мы их восстановить полностью.⁵

Вновь президент указал на политиков, «разваливших страну», вновь он не назвал их определенно. Нельзя не видеть, что тезис об исключительной ответственности «предателей» созвучен не только современному массовому конспирологическому сознанию, но и «экспертному знанию», и это характерно не только для России: заговорами и операциями специальных служб сегодня «объясняются» самые разнообразные политические и социальные процессы, заговорам придается значение решающего фактора.

Проект памяти о Первой мировой войне, изложенный в выступлениях президента и поддерживаемый значительной частью российской политической элиты и академического истеблишмента можно кратко и упрощенно описать следующим образом: декларируется резкий разрыв с традиционной советской моделью описания причин и хода войны. Исключительное внимание уделяется теме героизма солдат и офицеров, а это означает, что иные аспекты памяти о войне, иные участники войны – беженцы, насильственно депортируемые, военнопленные, дезертиры, пацифисты – занимают в официальном повествовании о войне периферийное положение, а то и подлежат забвению, исключению из культурной памяти нации. С одной стороны, российский проект политики памяти рассматривается как часть проекта общеевропейского, часть памяти «всего мира», именующего войну «Великой», но с другой стороны версия о постоянном миролюбии России явно противопоставляется памяти некоторых европейских стран, которые – в разной степени – критически пересматривают свою собственную историю и ждут этого от других государств. И тем менее этот проект политики памяти созвучен главному вектору развития современной историографии.

Немалая часть российских политических и общественных деятелей, исследователей и преподавателей, художников, писателей и режиссеров восприняла эту речь президента Путина как сигнал для реализации «патриотического» проекта политики памяти, проекта, используемого для современных нужд государства. Вместе с тем вновь хотелось бы подчеркнуть, что существует и определенный общественный заказ на такой проект политики памяти.

Осуществление этого проекта ставит определенные задачи перед профессиональными историками, исследователи должны вновь вернуться к проблемам научного изучения феномена героизма: простое цитирование пропагандистских изданий и наградных представлений эпохи войны не даст полного его понимания. Более того, исследование героического поведения будет неполным без комплексного изучения боевого духа армий, а это

5. <http://kremlin.ru/news/46951>.

невозможно без исследования иных явлений: боевых потерь, уклонения от службы, дезертирства, сдачи в плен.⁶

Но компетенция историков важна и для оценки реализуемости предложенного проекта памяти, проверки его на историографическую прочность. В связи с этим уместно поставить ряд вопросов: Была ли действительно Первая мировая война забыта в России? Если она была забыта, то как именно она забывалась? Каковой была политика забвения? Как политика памяти сочеталась с культурной памятью? Как война вспоминалась и (или) забывалась в других странах? Чем эти тактики отличалось от политики памяти, проводившейся в СССР и Российской Федерации? Можно ли использовать в современной России опыт «вспоминания» и «забвения» других стран, других культур? Как все это влияет на предложенный проект памяти?

Ответить на эти вопросы помогает обильная литература, посвященная исследованиям культурной (исторической) памяти. Нельзя не вспомнить знаменитый проект «Места памяти», инициированный знаменитым французским историком Пьером Нора.⁷ Однако, память о Первой мировой войне занимает совершенно особое место в *memory studies*. Возможно, это связано с тем, что важные исследования, посвященные памяти о Первой мировой войне, появились задолго до проекта П. Нора. Здесь следует вспомнить знаменитую книгу американского историка литературы П. Фассела⁸. Затем последовали исследования других авторов, прежде всего следует упомянуть монографию Дж. Уинтера, одного из наиболее авторитетных историков Первой мировой войны⁹.

Российскими исследователями не проведено еще специальное комплексное исследование, посвященное памяти о Первой мировой войне, хотя отдельные историки изучали отдельные сюжеты, связанные с этой темой (история кладбищ, отражение войны в русской литературе и художественной культуре и пр.). Между тем зарубежные исследователи начали ее разработку: Д. Орловски сформулировал некоторые общие вопросы изучения темы¹⁰, а А. Коэн особое внимание уделил исследованию памяти российской

6. В качестве примера исследования, пытающегося учитывать разнообразные аспекты жизни российского солдата, можно назвать интересную, хотя и спорную книгу: А.Б. Асташов, *Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность*, М., 2014.

7. P. Nora, *Les Lieux de mémoire*, P., 1992, 3 tomes : t. 1 : « La République », t. 2 : « La Nation », t. 3 : « Les France ».

8. P. Fussell, *The Great War and Modern Memory*, Oxford, 1975. Русский перевод осуществлен издательством Европейского университета в Санкт-Петербурге: П. Фассел, *Великая война и современная память*, СПб., 2015.

9. J. Winter, *Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History*, Cambridge, 1995.

10. Д. Орловски, «Великая война и российская память», в Н.Н.Смирнов, отв. ред., *Россия и Первая Мировая война (Материалы международного научного colloquium)*, СПб., 1999, с. 49-57.

эмиграции о Первой мировой войне¹¹. Важной работой является книга американской исследовательницы Карен Петрон, которая изучила память о Первой мировой войне в Советской России (СССР) в 1920-е и 1930-е годов¹².

Забыта ли Первая мировая война в современной России? Ответ на этот вопрос дает опрос, проведенный Фондом общественное мнение в конце июля 2014 года¹³. 63% опрошенных заявляют, что они либо читали книгу, посвященную событиям войны, либо смотрели какой-либо фильм (спектакль). 3% опрошенных (максимальное число) утверждают, что их мнение о войне сформировалось под воздействием романа М. Шолохова «Тихий Дон». Но одновременно 3% указали, что их представление о войне сформировались при чтении... «Войны и мира». И это не единственный случай, когда респонденты указывали довольно странный источник информации об истории Первой мировой войны: 1% опрошенных упомянул фильм С. Эйзенштейна «Броненосец Потемкин».

Опрос свидетельствует об особом восприятии истории Первой мировой войны в современной России:

- Многие опрошенные не знают практически ничего о той войне, хотя при этом думают, что обладают соответствующими знаниями. Хотя и о других событиях истории граждане России знают довольно плохо, возможно все же, что Первая мировая война более забыта, чем иные войны;

- У современных россиян нет какого-то основного текста (образа), который бы формировал общую память о той войне;

- Память о Первой мировой войне тесным образом связана с памятью о революции и Гражданской войне: наряду с романом Шолохова респонденты называли произведения М. Булгакова (роман «Белая гвардия» и пьеса «Дни Турбиных») и «Хождение по мукам» А. Толстого.

- Редко упоминаются зарубежные произведения литературы и искусства (лишь 1% опрошенных назвал роман Э.М. Ремарка «На Западном фронте без перемен» и менее одного процента респондентов упомянули «Прощай, оружие» Э. Хэмингуэя;

- Историки – исследователи и преподаватели – оказывают ничтожное воздействие на формирование памяти о Первой мировой войне: не упоминается ни

11. Aaron J. Cohen, «Oh, That! Myth, Memory and World War I in the Russian Emigration and the Soviet Union», *Slavic Review*, 62 (1), 2003, с. 69-86; Idem, «“Our Russian Passport”: First World War Monuments, Transnational Commemoration, and the Russian Emigration in Europe, 1918-1939», *Journal of Contemporary History*, 49, 2014, с. 627-651; Idem, «Russian Monuments to the First World War: Where Are They? Why Are They?», в Murray Frame, Boris Kolonitskii, Steven G. Marks, and Melissa K. Stockdale, eds., Bloomington, 2014. См. также статью этого автора в международном энциклопедическом проекте: http://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/commemoration_cult_of_the_fallen_russian_empire.

12. Karen Petrone, *The Great War in Russian Memory*, Bloomington – Indianapolis, 2011. См. недавнюю рецензию: А. Васильев, «Забытая (ли) война: «След» и «голос» памяти», *Новое литературное обозрение*, № 130 (6), 2014.

13. <http://fom.ru/Proshloe/11637>.

один исторический труд, и лишь 1% опрошенных упомянул, что их представления о той войне сформировались под воздействием школьного учебника;

- Не упоминаются в качестве источника информации произведения литературы и искусства, созданные в России в годы войны;

- Не называются произведения, созданные русскими писателями и художниками в эмиграции (упоминается роман А. Толстого «Хождение по мукам», однако, современным читателям известна преимущественно его советская версия).

Результаты опроса свидетельствуют о том, что для современных россиян Первая мировая война действительно является забытой войной.

Можно ли утверждать, что война забыта исключительно в результате сознательной государственной политики забвения, политики, проводившейся долгие годы Коммунистической партией?

Советская политика памяти была изменчивой, прерывистой, а порой и эклектичной. С самого начала у коммунистов существовала особая политика памяти о войне, ей уделялось большое внимание: ведь и возникновение международного коммунистического движения было связано с тем глобальным конфликтом. В данном проекте особое место занимала та борьба, которую вели большевики и интернационалисты различных стран против «империалистической» войны. Эта память была крайне важна для мифа об основании СССР: «Декрет о мире» был важным ресурсом легитимации режима.

В политической культуре большевизма содержались блоки идей отрицания мировой войны. Это сближало порой советскую пропаганду с идеями пацифизма, хотя Ленин обличал пацифизм, даже пацифизм революционный, выдвигая лозунги превращения «империалистической» войны в войну гражданскую. На память о войне влияло и то обстоятельство, что многие видные российские полководцы и флотоводцы эпохи войны оказались в рядах активных противников большевиков. Однако, в 1920-е годы в СССР сосуществовали различные, иногда противостоящие друг другу концепции восприятия Первой мировой войны. В это время и в подцензурных текстах даже содержались – иногда в скрытой форме – элементы патриотического дискурса 1914 года.¹⁴

Романтизация мировой революции и прославление Красной армии сочеталась первоначально в СССР с отрицанием традиционного российского патриотизма. Молодые коммунисты называли своих детей в честь Жореса: антимилитаризм известного социалиста отодвигал на второй план его оппортунизм в глазах революционных энтузиастов¹⁵. Это влияло на цензуру режима: из библиотек наряду с «контрреволюционной» изымалась «патриотическая» и «милитаристская литература». В текстах же видных советских

14. Petrone, *The Great War in Russian Memory*, с. 20.

15. Одним из таких детей был известный диссидент Жорес Медведев (р. 1925), другим – лауреат Нобелевской премии Жорес Алферов (р. 1930).

авторов дезертирство из рядов «империалистических» армий рассматривалось как «доблесть»¹⁶.

У русской эмиграции память о мировой войне сохранялась в иной форме. Особое значение она имела для эмигрантов, оказавшихся в странах, которые были союзниками России: напоминание о вкладе их родины в победу могло способствовать повышению статуса русской диаспоры. Возникали ассоциации ветеранов, торжественно отмечались памятные годовщины, открывались монументы, публиковались воспоминания и исторические исследования. В некоторых эмигрантских текстах Гражданская война описывалась как продолжение Мировой войны, в известной степени воспроизводилась идеология Белого движения, которая первоначально рассматривала большевиков лишь как инструмент немецкого правительства. Иные ветераны противопоставляли эти конфликты: по сравнению с Гражданской войной война Мировая была для них «настоящей», «чистой», «справедливой». Оба сценария памяти способствовали культурной и психологической адаптации авторов и их читателей¹⁷. Нельзя не видеть, что некоторые современные проекты политики памяти в России восходят к эмигрантской традиции¹⁸. Однако богатая художественная литература русской эмиграции, не испытывавшая жесткого давления советской цензуры, также не создала известных художественных произведений и визуальных образов, посвященных мировой войне. И в эмиграции память о войне заслонялась памятью о революции и Гражданской войне.

И в советском дискурсе мировой войны уже в 1920-е годы присутствовала тема героизма. Задачи военного строительства в СССР и формирования особого советского патриотизма способствовали тому, что руководство Красной армии, в рядах которой было немало ветеранов войны, поддерживало проекты политики памяти, в которых находили место описания боевых действий солдат, офицеров и даже генералов старой армии. Особое место занимал образ генерала Брусилова: известнейший полководец Великой войны стал сотрудничать с большевиками, он получил не очень важный, но почетный пост в Красной армии. Смерть генерала в 1926 году стала поводом для церемонии, в которой соседствовали советские, имперские и религиозные символы и ритуалы: гроб полководца сопровождал почетный караул красноармейцев, венки украшали лентами цветов имперских боевых орденов, а на отпевании в церкви присутствовал известный советский военачальник¹⁹. Государственное

16. Petrone, *The Great War in Russian Memory*, с. 20, 101.

17. Cohen, «Oh, That! Myth, Memory and World War I in the Russian Emigration and the Soviet Union».

18. И это сближает современную российскую политику памяти с той позицией, которую занимают по отношению к первой мировой войне консервативные силы в некоторых европейских странах: признавая войну европейской трагедией, они продолжают уделять первоочередное внимание теме героизма своих солдат. Об этом см.: А.В. Макаркин, «Память о забытой войне: Политические аспекты», *Неприкосновенный запас*, № 4 (96), 2014. Электронный ресурс: <http://magazines.russ.ru/nz/2014/96/gm.html>.

19. Petrone, *The Great War in Russian Memory*, с. 60-67.

издательство вскоре опубликовало воспоминания Брусилова²⁰. Почти одновременно книга была переиздана и эмигрантским издательством, необычайно быстро была она переведена на английский и французский языки, вряд ли это было возможно без сотрудничества с советскими ведомствами²¹.

И в последующие годы советские проекты памяти сочетали – порой весьма эклектично – и память о мужестве российских солдат и офицеров, и обличение «империалистической» войны. При этом героизм воинов противопоставлялся неэффективной, а то и предательской деятельности царского правительства и высшего командования (такие аргументы можно было найти и в воспоминаниях Брусилова). Антиимпериалистическая же риторика поддерживалась цитатами Ленина, хотя ее интенсивность также менялась со временем (менялся и подбор цитат).

В 1930-е годы Брусилова вспоминали все реже, организация Брусиловского прорыва 1916 года критиковалась как неэффективная. Переиздание воспоминаний полководца было признано несвоевременным. Такая корректировка проекта исторической памяти совпала по времени с новой волной репрессий против старых офицеров, служивших в Красной армии. В то же время статус официальной исторической версии получили слухи об «измене в верхах» – они появились даже в «Кратком курсе истории ВКП (б)», эта книга должна была стать каноном для повествования о прошлом.

Впрочем, изменчивая международная обстановка заставляла спешно менять и эту схему канона, в исторических текстах это проявлялось в том, что главным виновником Первой мировой войны была провозглашена Германия. Первоначально Вторая мировая война трактовалась в СССР как «Вторая империалистическая», такой термин появился уже в конце 1938 (!) года²². Но вскоре в советской пропаганде стали заметны и иные темы. Еще до нападения Германии на СССР в главной газете Красной армии появилась статья, посвященная памяти Брусилова²³.

Это соответствовало и общему изменению тона советской пропаганды, уже 1 августа 1939 года, в день годовщины начала Первой мировой войны, главная газета Красной армии прославляла героизм русских солдат, проявленный ими в 1914-1917 гг. Заключение советско-германского пакта изменило эту тональность, однако после нападения Германии на СССР она вновь вернулась. Советские газеты проводили параллели между политикой нацистов и действиями германских властей в годы Первой мировой войны, указывали на значение

20. А.А. Брусилов, *Мои воспоминания*, М., 1929.

21. Вопрос об использовании советским режимом в политических целях эмигрантских издательств заслуживает специального изучения.

22. См. издание Политического управления Народного комиссариата обороны СССР: *Вторая империалистическая война началась*, М., 1938 (31 с.). См. также издание Союза воинствующих безбожников: *Вторая империалистическая война и церковь*, М., 1941 (30 с.).

23. Н. Каржанский, «Генерал Брусилов: Из прошлого русской армии», *Красная звезда*, 19 января 1941. Petrone, *The Great War in Russian Memory*, с. 222-223.

русского фронта в 1914-1917 гг.²⁴ Политическое использование памяти о Брусилове приняло большие масштабы. Публиковались исторические и историко-пропагандистские работы²⁵. Наследие Брусилова использовалось при подготовке офицеров Красной армии.²⁶ Пропагандистские брошюры, описывающие Брусиловский прорыв переводились на языки народов СССР, что свидетельствовало об особой значимости этого проекта. Наконец, появились пьесы и романы, посвященные генералу, а это указывало на то, что официальная политика памяти стремилась оказать воздействие на долгосрочную политику памяти, на культуру памяти.²⁷ В 1941, 1943 и 1946 годах появились новые издания воспоминаний Брусилова. Они отличались от первого издания, идеологически сомнительные фрагменты были удалены, но сам факт публикаций свидетельствовал и о читательском интересе, и о том внимании, которое уделяли этому тексту власти.

Можно предположить, что часть писателей, пропагандистов и историков вполне искренне прославляла Брусилова: возвращение к имперской военной традиции воспринималось как знак «нормализации» режима, процессу, которому они сочувствовали. В то же время героизация генерала беспокоила некоторых советских историков-марксистов, в итоге границы его прославления оспаривались и оставались неопределенными. Однако и другие аспекты памяти о Первой мировой войне использовались для патриотической пропаганды. Новая военная форма, введенная в 1943 году, напоминала дореволюционную русскую форму. Знаками различия вновь стали погоны, которые ранее в советской пропаганде были маркером классового врага. Хотя реакция командиров Красной армии была неоднозначной, но публичные протесты были невозможны, а многие офицеры воспринимали эти знаки отличия с энтузиазмом и даже требовали восстановления других старинных российских военных традиций²⁸.

Разрешалось ношение военных орденов царского времени, хотя в 1930-е годы их хранение могло повлечь репрессии. В советских журналах стали печататься фотографии храбрых сержантов и офицеров, гордо носивших награды двух войн. Другие снимки показывали как советские кавалеристы в живописной форме казачьих полков поили своих лошадей в немецких реках,

24. Cohen, «Oh, That! Myth, Memory and World War I in the Russian Emigration and the Soviet Union», с. 83.

25. Ю. Вебер, *Брусиловский прорыв*, М., 1941; В.В. Мавродин, *Брусилов*, М., 1942 (последующие издания - 1943, 1944).

26. Ф. Кузнецов, *Брусилов о воспитании и подготовке офицерских кадров*, М., 1944 (22 с.).

27. И.Л. Сельвинский, *Генерал Брусилов: Драма*, М., 1942; С.Н. Сергеев-Ценский, *Брусиловский прорыв: Исторический роман*, М., 1943; И.В. Бахтерев, А.В. Разумовский, *Русский генерал: Пьеса*, М., 1946; Ю.Л. Слезкин, *Брусилов: Роман*, М., 1947.

28. Показательно интервью офицера П.А. Зайончковского, в будущем известного советского историка, которое он дал комиссии опрашивавшей участников Сталинградской битвы. J. Hellbeck, *Die Stalingrad Protokolle: Sowjetische Augenzeugen berichten aus der Schlacht*, Frankfurt am Main, 2012, с. 460-461.

люди старшего поколения не могли не вспомнить боевой клич 1914 года: «Напоим коней в Шпрее!». В то же время некоторые аспекты большевистского восприятия Первой мировой войны подвергались забвению, табуировались. Так, из новых изданий ставшего уже классическим советского романа М. Шолохова «Тихий Дон» изымались сцены, положительно характеризующие действия революционных интернационалистов: они не отвечали актуальным задачам патриотической мобилизации во время войны²⁹.

Эта тенденция беспокоила некоторых коммунистов-интернационалистов, среди них были и историки, осуждавшие прославление «царских генералов». Напряженность между марксистской идеологией и традицией советского военно-патриотического исторического воспитания прослеживалась и в послевоенный период, отмеченный дискуссиями, компромиссами и колебанием официальной интерпретации истории.

Культ Брусилова соответствовал пропагандистским задачам эпохи «холодной войны»: подчеркивалось новаторство русской военной мысли, ее предполагаемое превосходство по сравнению с военным искусством запада. Прославлению Брусилова должна была содействовать и солидная академическая поддержка, в 1948 г. готовилась публикация сборника документов, посвященного полководцу. Однако этому помешало выявление другого важного источника. В свое время рукописи генерала были переданы его вдовой в русский эмигрантский архив в Праге. После 1945 г. бумаги Брусилова оказались в распоряжении советских властей, которые выявили, что генерал, считавшийся патриотом, искренне сотрудничавшим с большевиками, продолжал придерживаться антикоммунистических взглядов. Типографский набор уже подготовленного сборника документов был рассыпан, его материалы в архивах засекречены, а имя Брусилова – табуировано.

Десталинизация привела к «реабилитации» памяти о Брусилове, коммунистическое руководство оказалось заложником своей политики памяти: многие советские патриоты были обеспокоены отсутствием упоминаний о прославлявшемся ранее полководце в официальной пропаганде и исторических трудах. Главное архивное управление СССР произвело экспертизу, которая «показала», что вторая часть воспоминаний якобы является фальшивкой, генерал был вновь включен в советский патриотический пантеон³⁰. Последовало новое издание его мемуаров, появилась и биография, написанная видным военным историком³¹. Память о военачальнике стала инструментом для тех авторов, которые стремились усилить вектор имперского державного патриотизма в советской идеологии.

29. Petrone, *The Great War in Russian Memory*, с. 273.

30. См. статьи начальника Главного архивного управления при Совете министров СССР: Г. Белов, «Правда о генерале Брусилове», *Известия*, 13 сентября 1962; Его же, «Русский полководец А.А. Брусилов», *Военно-исторический журнал*, № 10, 1962, с. 41-55; Его же, «Как был реабилитирован генерал Брусилов», *Огонек*, № 31, 1964 с. 24-25.

31. И.И. Ростунов, *Генерал Брусилов*, М., 1964.

На оформление культурной памяти в СССР влияла и художественная литература. Роман Б. Пастернака «Доктор Живаго», опубликованный в Италии в 1957 году, не оказал воздействия на дискуссии о мировой войне. Иным было влияние романа А.И. Солженицына «Август Четырнадцатого». В нем свои важнейшие идеи Солженицын формулирует с помощью офицера Генерального штаба Воротынцева³². Взгляды Воротынцева (и Солженицына) отражают дух преобразований П.А. Столыпина. Писатель не идеализировал царское правительство и российское командование, но его симпатии были на стороне патриотов, стремившихся защитить Россию. Его любимые герои – энергичные инженеры и офицеры, предприниматели и администраторы, олицетворяют реформационный сценарий развития России, сценарий, отвергнутый революцией. В 1971 году роман был издан в парижском издательстве. Сразу же книга стала переиздаваться и переводиться за пределами СССР, в то же время публикация резко критиковалась советской прессой.³³ Критика книги провоцировала интерес ней, хотя в СССР смогли попасть немногие экземпляры романа, однако по рукам ходили машинописные копии.

Шум вокруг Солженицына пробуждал нежелательные для властей толки, и руководство КГБ противопоставило роману книгу историка Н.Н. Яковлева. Чекисты снабжали его источниками, недоступными для других исследователей, так, протоколы допросов именовались «воспоминаниями». Книга была опубликована издательством «Молодая гвардия» 100-тысячным тиражом³⁴.

Руководители КГБ ориентировали Яковлева на подготовку книги с «новых» позиций, они полагали, что ортодоксальный советский канон исторического писания не привлечет уже внимания читателей. Предполагалось, что успех книги обеспечит конспирологический сюжет: Яковлев уделит немало внимания заговорщической деятельности русских масонов, обвиняя либеральную буржуазию и умеренных социалистов в антипатриотической деятельности. Яковлев придал этой теме нужный для советской пропаганды тон: большевики, отбрасывая от власти космополитичных представителей буржуазии, наносивших русской армии «удар в спину», выполняли де патриотическую миссию. Держаному антикоммунизму Солженицына противопоставлялся национал-коммунистический державный миф: не Ленин, а его противники были настоящими «пораженцами».

32. А. Немзер, «Она уже пришла: Заметки об “Августе Четырнадцатого”», А. Солженицын, *Собрание сочинений в тридцати томах*, т. 8: «Красное колесо. Повествование в отмеренных сроках». «Узел 1». «Август Четырнадцатого», Кн. 2. М., 2006, с. 490-491.

33. Н. Солженицына, «Краткие пояснения» в Солженицын, *Собрание сочинений в тридцати томах*, т. 8, с. 482-483.

34. Н.Н. Яковлев, *1 августа 1914*, М., 1974. О подготовке книге Н.Н. Яковлева см.: В.В. Поликарпов, «Из следственных дел Н.В. Некрасова», в В.В. Поликарпов, *От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века*, М., 2008, с. 513-521. О своем сотрудничестве с руководством КГБ писал впоследствии и сам автор: Н.Н. Яковлев, «Приложение: О “1 августа 1914”, исторической науке, Ю.В. Андропове и других», в Н.Н. Яковлев, *1 августа 1914*, 3-е изд., доп. М., 1993, с. 286-315.

Книга стала настоящим бестселлером, и в том же году последовало второе издание, его тираж вновь составил 100 тысяч экземпляров. Однако не все последствия появления этой книги можно было просчитать. Вызов официальному историографическому канону обеспокоил сторонников ортодоксии в ЦК КПСС и московских академических кругах. Не без труда КГБ предотвратил выход отрицательной рецензии на книгу Яковлева в видном научном издании. Отход от большевистского канона интерпретации войны продолжили и другие авторы. Помощник главы КГБ Ю.В. Андропова И.Е. Сеницын под псевдонимом Егор Иванов публиковал в том же издательстве «Молодая гвардия» романы, в которых прославлялись офицеры российской разведки в годы Первой мировой войны, общий тираж его книг превысил несколько миллионов экземпляров. Конспирологическая интерпретация истории получала дополнительные импульсы, провоцируя полускрытые дискуссии: ортодоксальные, криптонационалистические и криптолиберальные историки критиковали друг друга, используя подходящие для них цитаты из работ Ленина.

Эта дискуссия стала открытой в период «перестройки» и «гласности», со временем отпала и надобность в идеологической маскировке проектов памяти. Культ генерала Брусилова получил новое развитие: в его честь были названы улицы, появились и памятники генералу.

Возникли издательские проекты, призывающие вспомнить «забытую войну», создавались документальные фильмы. Восстанавливались военные кладбища, устанавливались памятные знаки. В 2011 году в Париже по инициативе Российской Федерации был установлен памятник российским солдатам Первой мировой войны, он должен был напомнить французам о былом союзнике. В церемонии его открытия участвовал президент Путин.³⁵

Различные общественные организации и фонды пытались оказывать воздействие на официальную политику памяти, лоббируя свои проекты, можно предположить, что им удалось влиять и на официальное проведение юбилея 2014 года.³⁶ Представители Фонда «Русский мир» еще в 2010 г., указывали, что память о Великой войне может стать фактором, объединяющим Россию и российские диаспоры, в том числе и представителей «старой» эмиграции. Н. Нарочницкая возглавляет Фонд исторической перспективы, который инициировал ряд проектов еще в 2008 г. Нарочницкая в своих выступлениях нередко указывала на роль либералов в подготовке революции.

Предлагаемые проекты памяти совпали по времени с изменениями в законодательстве и, по-видимому, они влияли на эти изменения. Поправки в федеральный закон «О днях воинской славы и памятных датах России» были приняты Государственной Думой 18 декабря 2012 года, а Совет Федерации

35. См.: <http://www.lifenews.ru/news/61750>.

36. О деятельности ряда организаций в начале XXI века см.: V. Tolz, «Modern Russian Memory of the Great War, 1914-1920», в E. Lohr, V. Tolz, A. Semyonov, M. Von Hagen, eds., *The Empire and Nationalism at War*, Bloomington, 2014, с. 257-285.

одобрил их 26 декабря. День 1 августа был объявлен Днем памяти российских воинов, погибших в Первой мировой войне 1914-1918 годов.³⁷

Но не следует рассматривать стремление «вспомнить» ту войну лишь как реализацию проектов, предложенных сверху. В Волгограде, например, 1 августа 2014 года был открыт памятник «Жителям Царицына – участникам Первой мировой войны 1914-1918 гг.». Инициативную группу возглавил местный предприниматель, создавший благотворительный фонд, группа организовала сбор средств, для этого были использованы и социальные сети. Возведение памятника рассматривалось в местных СМИ как реализация «народной инициативы»³⁸. Появилось Общество потомков участников Первой мировой войны (иногда оно именуется Обществом потомков участников великой войны)³⁹. Немалую активность в дни юбилея проявили члены объединений реконструкторов⁴⁰.

Подведем некоторые промежуточные выводы. Можно с уверенностью утверждать, что оценка Первой мировой войны как «забытой» и «неизвестной» требует уточнений даже если мы говорим только о советском периоде. И совсем неверно говорить о том, что война намеренно забывалась в постсоветский период: эти десятилетия отмечены напряженными попытками «вспомнить» ту войну. Несмотря на это, вопреки этому война продолжает восприниматься как «забытая». Такая ситуация требует объяснения. Отчего не приносят плоды действия политиков, историков, писателей, издателей, журналистов, режиссеров, религиозных и общественных деятелей, реконструкторов военных операций и добровольцев, восстанавливающих военные кладбища?

Для оценки российских проектов памяти уместно сравнить их аналогичными проектами памяти в других странах, прежде всего европейских государствах. Они весьма отличаются, несмотря на усилия стран Европейского Союза координировать политику памяти, придавая ей характер, способствующий европейской интеграции. Даже у держав победителей память имеет существенные различия, достаточно сравнить отношение к Великой войне во Франции и в Великобритании. И разный опыт Второй мировой войны, и особенности послевоенного политического, социального и культурного развития существенно влияют на эту память. В Бельгии, например, память валлонов и память фламандцев имеет разную логику развития, на разных этапах в социальной памяти актуализируются различные аспекты истории войны.

Но есть и нечто, объединяющее большинство европейских стран: на память о войне влияют не только памятники, государственные церемонии

37. <http://base.garant.ru/1518352>.

38. <http://memorial.oblvesti.ru/node/44>.

39. Можно предположить, что образцом стало созданное ранее Общество потомков участников войны 1812 года.

40. Интересно отметить, что на некоторых участников этого и других проектов известное воздействие оказали памятники и коммеморативные практики других стран, российские туристы, посещавшие их, осознавали некую лауну в исторической памяти своей страны.

и школьные учебники, она формируется и под воздействием произведений литературы и искусства. И в этом отношении интеграция имеет место: образованный европеец имеет представление о романах А. Барбюса, Э.М. Ремарка и Я. Гашека, картинах О. Дикса, вспоминает войну через образы, созданные писателями и художниками разных стран.

Для осмысления Великой войны 20-е и 30-е годы были особенно важны. И актуальные задачи конкурирующих проектов памяти, которые легитимировали действия противостоящих стран и конкурирующих элит, и необходимость преодоления психологических травм эпохи войны, и любопытство зрителей и читателей, диктовавшее спрос — все это стимулировало появление различных текстов, образов, ритуалов, социальных программ.

В этом отношении судьба России была особой. Идеологическая рамка ставила писателей и художников в особые условия цензуры, в которых сложно представить появление «советского Гашека» или «советского Ремарка» (книга Ремарка сначала с энтузиазмом была принята в СССР, а затем он был заклеен как «буржуазный пацифист»). И уж совсем невозможно представить «советского Юнгера» даже в относительно «либеральные» 1920-е годы.

Но не следует объяснять особенности художественного осмысления Первой мировой войны лишь особенностями коммунистической цензуры, и богатая культура российской диаспоры не смогла создать объединяющие тексты и образы. Можно предположить, что и для эмигрантов травма гражданской войны оказалась более глубокой, события кровавой «смуты» и здесь заслонили события, происходившие до 1917 года.

Однако память о Первой мировой войне связана не только с произведениями литературы и искусства, созданными после войны, она формировалась и под воздействием текстов и образов, появившихся уже в 1914-1918 годы. Поэтому для понимания процессов памяти-забвения в России важно сопоставить развитие русской культуры в годы войны с аналогичными процессами в других странах. История войны давно стала предметом сравнительных исследований. Однако чаще всего сопоставляются Великобритания, Франция и Германия. Россия же, как правило, исключается из компаративных проектов⁴¹.

Поэт Н. Гумилев, освобожденный ранее от военной службы, добился медицинского переосвидетельствования, и поступил добровольцем в гвардейский уланский полк. Он был награжден двумя Георгиевскими крестами, произведен в офицерский чин. Гумилев направлял свои фронтовые корреспонденции в столичную газету, а его стихи военной поры вошли в поэтический сборник «Колчан».

На фронте оказались и другие писатели. Некоторые были ранены, удостоены боевых наград. Часть писателей, оказавшихся в армии, продолжала

41. Важным исключением является сборник статей, редакторами которого выступили Р. Стайтс и А. Рошвальд. Статья, посвященная русской культуре, была написана Р. Стайтсом: R. Stites, «Days and nights in wartime Russia: cultural life, 1914-1917» in R. Stites, A. Roshwald, eds., *European culture in the Great War: The Arts Entertainment and Propaganda, 1914-1918*, Cambridge, 1999, с. 8-31.

заниматься литературным творчеством. Было выпущено даже несколько сборников стихов фронтовых поэтов. Показательно, однако, что в этих книгах не было стихов, посвященных войне⁴². Соответственно, они не могли оказать воздействие на формирование общественных представлений о войне.

Художники М. Ле Дантю, Вл. Бурлюк и С. Нагубников погибли, находясь в действующей армии. На фронте оказались и другие художники, некоторые из них были ранены или контужены, несколько человек получили боевые награды.

Известные писатели – В. Брюсов, А. Толстой – работали в качестве военных корреспондентов. Их репортажи влияли на общественное мнение. Война сказалась и на творчестве авторов, продолжавших трудиться в тылу.⁴³

Важными зрительными образами эпохи войны стали яркие плакаты, авторами которых выступали известные художники – К. Малевич, В. Маяковский, Г. Нарбут. Е. Лансере и М. Добужинский создали ряд работ во время своих поездок в действующую армию. Особое место в искусстве военной поры занимает картина К. Петрова-Водкина «На линии огня» («Атака»), завершенная в конце 1916 года.

Война сказалась и на российской массовой культуре⁴⁴. В начале войны возникло немало патриотических текстов, но их низкое качество заставило говорить о появлении «барабанной литературы». Термин «военная литература» довольно быстро стал уничижительным из-за появления множества литературных поделок низкого качества, порой писали даже о «боевой макулатуре». Некоторые же писатели, которые сами не были на фронте, не считали возможным разрабатывать военную тему: споры о праве писать о войне были чертой того времени.

Среди принципиальных противников войны были известный писатель М. Горький, художник и художественный критик А. Бенуа. В. Маяковский, первоначально встретивший войну с энтузиазмом, перешел затем на антивоенные позиции.

Поэт И. Северянин признавал необходимость службы по мобилизации, но добровольное поступление в армию считал «рисовкой» и даже «гнусностью». В своих стихах он откровенно выразил взгляды тех, кто не отрицал войну, но не спешил пойти на фронт добровольно:

Еще не значит быть изменником, -
быть радостным и молодым,
Не причиняя боли пленникам
И не спеша в шрапнельный дым. ...

42. А.И. Иванов, *Первая мировая война в русской литературе 1914-1918 гг.*, Тамбов, 2005, с. 243.

43. Некоторые произведения эпохи войны и исследования, посвященные им, доступны на сайте Института мировой литературы: <http://ruslitwwi.ru/source/books>.

44. См.: Н. Jahn, *Patriotic Culture in Russia during World War I*, Ithaca – London, 1995.

В желаньи жить - сердца упрочены...
 Живи, надейся и молчи...
 Когда ж настанет наша очередь,
 Цветы мы сменим на мечи!

Это стихотворение вызвало оживленную общественную дискуссию.

Некоторые писатели и художники в своем творчестве уходили от войны. Глядя на замечательный портрет Анны Ахматовой работы Натана Альтмана сложно представить, что он был создан во время войны. И многие читатели и коллекционеры, издатели и владельцы галерей формировали подобный спрос на произведения литературы и искусства, которые позволяли им – и их читателям, зрителям – уйти от войны.

Все это напоминает другие воюющие страны: везде были добровольцы и уклонисты, сторонники и противники войны, везде первоначальный военный энтузиазм уступал место иным формам отношения к войне. Во многих странах фронтовики с негодованием отвергали те описания войны, которые предлагались писателями и художниками, находившимися в тылу. И в других культурах пацифисты не выражали свои взгляды открыто. И в других странах наблюдался уход от войны, что проявлялось и в выборе тем мастерами (на творчестве некоторых война никак не отразилась), и в реакции рынка.

Однако в отличие от некоторых других стран (Великобритании, Германии, Италии, Франции) в России не появилась группа фронтовых писателей. Н. Гумилев представлял собою одинокую и изолированную фигуру: он не был единственным русским писателем, публиковавшимся во время войны, однако никак нельзя говорить о субкультуре фронтовиков, объединявшей читателей и писателей⁴⁵. Смерть же писателей и художников на поле боя в России не становилась предметом художественного осмысления и общественных дискуссий, и это отличало русскую культуру от опыта других стран.

Известный французский поэт Ш. Пеги погиб на фронте уже в 1914 году. Его смерть стала событием европейским: обложку специального номера немецкого журнала «Die Aktion» украшал портрет Пеги поэта работы известного австрийского художника Э. Шиле⁴⁶. Война придавала и новый смысл текстам, написанным еще до конфликта, современники и потомки вспоминали строки Пеги: «Счастливы те, кто погиб в больших сражениях. Они лежат на земле перед лицом Бога». Русским читателям было известно о гибели многих французских писателей, об этом писали в своих корреспонденциях М. Волошин и И. Эренбург.⁴⁷

45. Stites, «Days and Nights in Wartime Russia», с. 28.

46. Peter Jelavich, «German Culture in the Great War», in Stites, Roshwald, eds., *European culture in the Great War*, с. 48.

47. Об участии европейских писателей в войне см.: Ch. Prochasson, «Intellectuals and Writers», в John Horne, ed., *A Companion to World War I*, Oxford: Blackwell, 2010, с. 323-337.

Память о Первой мировой войне в Великобритании и в англоязычных странах формировалась и формируется под воздействием поэзии, созданной фронтовиками, при этом некоторые стихи приобрели известность уже во время войны. Среди читателей этих стихов было немало фронтовиков. Трагическая смерть фронтовых поэтов оказывала и оказывает воздействие на их восприятие их творчества.

Военный опыт был важен для писателей и художников в других странах. Можно назвать иные бестселлеры, можно вспомнить другие трагические судьбы. Из 24 наиболее известных немецких и австрийских художников-экспрессионистов 13 надели военную форму (призыву не подлежали старшие по возрасту мастера, четверо женщин-художниц и иностранцы – В. Кандинский вернулся в Россию, а А. Явленский уехал в Швейцарию). Четверо известных художников погибли во время войны⁴⁸. Даже краткий очерк европейского искусства неизбежно заставляет вспомнить тот конфликт.

Вступление Италии в войну нельзя представить без творчества и жизнелюбия Г. д'Аннуцио и Ф.Т.Маринетти, других писателей и художников. Присуждение во время войны Гонкуровской премии антивоенному роману А. Барбюса стало важным общественным событием. Скандалы вокруг стихов поэта-фронтовика З. Сассуна и его публичных выступлений будоражили интеллектуальную элиту Англии. Сложно найти подобные эпизоды в российской культурной памяти о мировой войне.

Для развития литературы и искусства очень важны конфликты поколений, в ходе этих конфликтов появляются новые темы, вырабатывается новый творческий язык. Во время войны этот конфликт нередко проявляется и как конфликт между теми писателями и художниками, которые находились на фронте, и теми, кто оставался в тылу. Не всегда это был конфликт между сторонниками и противниками войны. Часто споры велись о том, КАК описывать войну.

Российским читателям были известны эти споры. Дискуссии о войне и о языке описания войны велись и в России, но они не проявлялись как конфликт между «фронтовыми» и «тыловыми» писателями и художниками. И наоборот, конфликты между «фронтовиками» и «тыловиками» могли получать разное оформление, провоцируя обличения «мародеров тыла», уклонистов, предателей, «буржуев», «темных сил», «внутренних немцев» в письмах солдат и офицеров. Однако эта напряженность не проявлялась в общественно значимых произведениях литературы и искусства.

Можно предположить, что это было связано с тем, что творческая позиция российских писателей и художников не подтверждалась их поступками. Маяковский поддерживал войну и радостно предвидел «громadный рост национального самосознания», но он смог избежать тогда службы в армии. При этом поэт верно осознавал необходимость использования нового художественного языка, необходимого для описания новой реальности: «Можно

48. См.: D. Elger, *Expressionismus: Eine deutsche Kunstrevolution*, Köln, 1994.

не писать о войне, но надо писать войною!»). Отношение его к войне впоследствии изменилось, но «антитыловая», а потом и антивоенная позиция, определенно выраженная в стихах, не помешала поэту надеть военную форму во время нового призыва, чтобы проходить службу в тыловой части, дислоцированной в столице.

Маяковский не был исключением: немало русских писателей и художников публично декларировали свой патриотизм, но либо избежали отправки на фронт, либо вообще не были призваны в армию. Можно предположить, что это было следствием использования неформальных связей, влиявших на решения призывных комиссий. Не всегда это можно охарактеризовать как проявление коррупции, это было порой проявлением социальной солидарности русских образованных людей, стремившихся сохранить этот тонкий слой. Молчаливо при этом предполагалось, что основные военные тяготы должны нести миллионы простых крестьянских парней.

Подобное приспособленчество писателей и художников к обстоятельствам войны затрудняло создание текстов и образов, основанных на собственных переживаниях, которые бы смогли бы стать инструментами патриотической мобилизации и поддержания памяти о Первой мировой войне.

Существовали и другие причины, затруднявшие создание общей культуры фронтовиков, составной частью которой было бы творчество фронтовиков. Значительная часть солдат не имела привычки к систематическому чтению, а многие из них и вовсе не были грамотными. Даже офицерский корпус в годы войны не представлял единого целого. Выпускник столичной гимназии и пензенский семинарист, варшавский студент и обладатель диплома рижского коммерческого училища могли стать младшими офицерами одного и того же полка, но они принадлежали к разным культурным мирам, они читали разные книги. Тонкость же образованного класса в России приводила к тому, что в годы войны даже полуграмотные крестьянские парни порой получали офицерские погоны. И все эти прапорщичьи военного времени существенно отличались от кадровых офицеров⁴⁹.

Эти культурные разломы ощутил на себе Гумилев. Поэт воспевал боевое братство кавалеристов, но даже некоторым офицерам полка, в котором он служил, его творчество казалось странным, даже смешным, одни не были готовы принять его формы романтизации и экзотизации войны, других отталкивал его поэтический стиль, даже манера чтения стихов.

Нельзя не сказать и о том, что официальная пропаганда в России была поставлена плохо. Даже в Болгарии, не говоря уже об Англии и Германии, ресурс писателей и художников использовался более умело: там департамент культуры Генерального штаба активно сотрудничал с художественной интеллигенцией⁵⁰.

49. См.: Асташов, *Русский фронт в 1914 – начале 1917 года*, с. 303-312.

50. E. Kelbetcheva, «Between Apology and Denial: Bulgarian Culture during World War I», in Stites, Roshwald, eds., *European culture in the Great War*, с. 215.

Но следует вновь вернуться к важной особенности России: немало писателей и художников демонстрировали громкий (а порой и небескорыстный) патриотизм, создавая произведения, которые в ином биографическом контексте могли бы стать важным ресурсом памяти о войне, однако они всякими способами стремились избежать службы в действующей армии. Это весьма отличает культурную ситуацию в России от ситуации британской, германской, итальянской, французской. Похожая же ситуация сложилась в Австрии: там многие патриоты, отсиживавшиеся в тылу, декларировали свою воинственную позицию особенно резко, что было для них своеобразной компенсацией, реакцией на скрытый комплекс вины⁵¹.

Особенности мобилизации культуры в России могут быть объяснены рядом факторов. «Бегство от войны» многих интеллектуалов и художников было связано с тем, что многие из них были отчуждены от политики, не включались до войны в политическую жизнь, хотя далеко не все находились в оппозиции к существовавшему режиму. В странах западной Европы огромную роль в патриотической мобилизации играло гражданское общество. В России же гражданское общество было относительно слабым, фрагментированным⁵².

Использование российских произведений литературы и искусства, созданных в 1914-1917 годах, для формирования культурной памяти о войне в силу этих причин ограничено. При разработке проектов памяти начала XXI века следует проявлять известную осторожность, не следует полагаться лишь на возможности политических технологий, на маневрирование материальными ресурсами, на креативность авторов, конструирующих образы прошлого. Проект должен быть устойчив к неизбежным попыткам деконструкции, к выявлению общественным сознанием исторических «белых пятен», а это значит, что он должен быть апробирован в историографических дискуссиях, он не должен игнорировать проблемы, которые впоследствии будут восприниматься как «белые пятна» или «черные дыры». Начальный этап «перестройки» выявил зазоры в советском историческом мифе, романтизирующем революционное переустройство общества, и это имело серьезные политические последствия.

Воскрешая память о войне, следует помнить и о причинах ее забвения. Анализируя патриотическую мобилизацию, следует учитывать многообразие форм проявления патриотизма. Оппозиция, противопоставляющая

51. Steven Beller, «The Tragic Carnival: Austrian Culture in the First World War», in Stites, Roshwald, eds., *European culture in the Great War*, с. 139. При этом некоторые видные австрийские писатели и художники поступили в австрийскую армию, среди них был и О. Кокошка. Г. Цукерман, автор наиболее известного стихотворения эпохи войны, погиб на фронте.

52. На слабость российского гражданского общества указывают авторы современного исследования: В.П. Булдаков, Т.Г. Леонтьева, *Война, породившая революцию: Россия, 1914-1917*, М., 2015. В другом современном исследовании делается вывод о заметном развитии гражданского общества в России в годы войны: А.С. Туманова, *Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.)*, М., 2014, с. 308. Однако об уровне развития гражданского общества можно судить, сопоставив процессы, протекавшие в различных странах.

«патриотов» «предателям», перестает работать даже при первичном изучении источников эпохи войны, историк не может не видеть, что различные «патриотические» проекты конкурировали друг с другом. Например, одни политические деятели надеялись, что война предотвратит революционную трансформацию России, другие надеялись, что война в союзе с Францией и Англией будет способствовать преобразованиям, третьи считали, что только революция сможет сделать участие в войне успешным... И все они именовали себя «патриотами».

Конструирование картины прошлого реально ограничено наличием пригодных для этого образов и текстов, а также историей их создания. Так, например, сейчас в качестве визуального символа российского участия России в Первой мировой войне сейчас нередко используется замечательная картина К. Петрова-Водкина «На линии огня». Однако если любопытный зритель захочет узнать обстоятельства создания этой картины (а интересное полотно вызывает такое желание), то это может существенно скорректировать ее восприятие. Начало войны Петров-Водкин встретил с энтузиазмом, но его настроение существенно изменилось после того как он сам был призван в армию. Используя свои связи, он добился того, что местом его службы стал запасной батальон гвардейского Измайловского полка. Целая рота этого полка состояла из деятелей искусства. Сослуживцем Петрова-Водкина был, например, художник С. Судейкин, дневник его жены позволяет судить об обстоятельствах воинской службы художника: выполнение выгодных заказов, покупка антиквариата, поездка на выставку в Москву. Даже ночевка в казарме воспринималась как нечто неординарное. Привилегированное положение деятелей искусства, одетых в военную форму, вызывало объяснимое раздражение простых солдат этого полка, и после Февральской революции, когда были созданы войсковые комитеты, художников и артистов в первую очередь отправляли на фронт. Такая судьба ждала Судейкина, но Петров-Водкин и в этой ситуации смог остаться в столице, ибо он сам был избран в полковой комитет. Включение картины Петрова-Водкина в «героический» проект памяти о Первой мировой войне может быть реализовано лишь в том случае, если будет игнорироваться его биография. И это делает данный проект весьма уязвимым.

Сама профессиональная подготовка историка развивает критическое мышление, пробуждает желание к критическому прочтению источников, к развернутому комментированию, к контекстуализации, а это ведет к деконструкции проектов политики памяти. Некоторые же тенденции развития современной историографии заставляют предположить, что параллельная деконструкция конструируемого проекта памяти будет неизбежной.

Долгое время российское участие в Первой мировой войне изучалось в соответствии с ведомственными классификациями специальностей: «всемирная история» отделялась от истории «отечественной». Ныне это осознается исследователями истории России, проявляется стремление включать сравнение с другими странами, использовать подходы и методы зарубежных

коллег, включать их выводы и наблюдения в собственные работы.⁵³ Эта тенденция прослеживается даже в выступлениях общественных и политических деятелей: ведь и сам президент Путин сравнивает память о войне с историей других стран, «всего мира».

Наблюдается и встречное движение: многие зарубежные исследователи осознают, что и для них участие России в войне является «забытой войной». Первая мировая война давно уже является предметом сравнительных исследований, но традиционно сравниваются прежде всего три страны: Великобритания, Германия и Франция. Между тем Италия, Австро-Венгрия, Османская империя и, разумеется, Россия в больших международных компаративистских проектах представлены недостаточно.

В подобной ситуации «историографическая конвергенция» неизбежной. А это сразу же ставит под вопрос такой проект памяти, в котором центральное внимание уделяется исключительно героизму солдат и патриотической мобилизации: во многих европейских странах подобные проекты реализовывались в 1920-1930-е годы, когда память о войне была «горячей», сейчас же хорошо видны проблемы и опасности, возникавшие при их реализации. И здесь различные проекты национальной памяти о Великой войне имеют свои особенности, однако по крайней мере в историографии изучаются всевозможные исторические сюжеты, в том числе и такие, которые затрагивают сюжеты, противостоящие доминирующим проектам политики памяти.

Другая интересная тенденция в историографии связана с идеей «долгой» мировой войны: одни страны вели кровопролитные войны еще до 1914 года, а продолжали вести ее и после подписания перемирия в ноябре 1918 года. В Турции, например, войну называют «десятилетней». Для России этот подход имеет особое значение: в соответствии с упоминавшийся уже схемой классификации науки отечественная история делилась на «досоветскую» и «советскую»: рубеж 1917 года жестко делил жизнь страны. Как видим, этот подход объединял противостоящие друг другу схемы истории: мировая война противопоставлялась революции и гражданской войне и советской политикой памяти, и эмигрантскими проектами памяти, противопоставляется она и современными официальными интерпретациями Великой войны. Легко предвидеть, что этим интерпретациям предстоит серьезное испытание: столетний юбилей революции неизбежно вновь актуализируют темы войны и революции.

Сможет ли предлагаемый официальный проект памяти стать объединяющим для большинства жителей России? Смогут ли в 2017 году российские историки сказать, подражая Ф. Фюре: «Революция закончена»? Сможет ли предлагаемая интерпретация войны и революции быть убедительной?

53. В качестве примера можно привести уже упоминавшееся исследование А.Б. Асташова. Можно также назвать исследование посвященное российским военнопленным в Германии: О.С. Нагорная, *Другой военный опыт: Российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914-1922)*, М., 2010. Автор опирается на богатую литературу, посвященную истории военнопленных разных стран.

Сможет ли она стать основой для «департизации» истории начала XX века? Во всяком случае, у предлагаемой политики памяти есть одно бесспорное достоинство: она спровоцирует острые дискуссии.

В этой ситуации профессиональные историки должны не только комментировать реализуемые проекты политики памяти, но и предлагать такие интерпретации истории, которые адекватны интеллектуальным вызовам XXI века. Описанная выше историографическая ситуация требует включения истории России в глобальный контекст, а историю революции – в широкий контекст Мировой войны. Здесь особый интерес представляет книга П. Холквиста, одного из наиболее интересных современных исследователей истории войны и революции⁵⁴. Эти подходы реализуются в международном проекте, в котором участвуют и многие исследователи из России⁵⁵.

Предлагаемый подход значительно расширяет методологический арсенал российских историков войны и революции. В частности, он позволяет, используя классические исследования по истории войны поставить новые вопросы, переформулировать вопросы старые. Так, известный французский исследователь Ж.-Ж. Беккер поставил вопрос о том, почему Франция, в отличие от России, смогла выдержать огромное напряжение, вызванное войной⁵⁶. Ведь и Франция знала и дефицит, и социальные конфликты, и восстания в войсках, и сильное антивоенное движение социалистов, и агитацию пацифистов. И другие страны с большими усилиями могли продержаться до конца войны, при этом положение победителей могло не сильно отличаться от побежденных стран, Италию, например, называли «побежденной в лагере победителей».

В таком контексте Россия не выглядит исключением. Традиционный русский вопрос «Кто виноват?» проецируется сейчас на историю и звучит так: «Кто виноват в том, что Россия не победила в войне?» Но, учитывая остроту экономических и социальных проблем, глубину общественных и этнических конфликтов в 1914-1916 гг. уместно поставить и другие вопросы: «Как же Россия смогла продержаться до 1917 года?»

*Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербургский институт истории
Российской Академии наук*

boris_i_kol@mail.ru

54. P. Holquist, *Making War; Forging Revolution. Russia's Continuum of Crisis, 1914-1921*, Cambridge (MA); London, 2002.

55. <http://russiasgreatwar.org/index.php>.

56. J.-J. Becker, *Les Français dans la Grande Guerre*, P., 1980.